

Лариса Миллер

ДВА ВЕТРА, ТРИ ДОЖДЯ

Выпуск 2
серии «Стихи гуськом»

Издательские решения
По лицензии Ridero
Декабрь 2016

УДК 82-1
ББК 84-5
М 60

Шрифты предоставлено компанией «ПараТайп»

На обложке фото из личного архива: Лариса Миллер,
Переделкино/Мичуринец, 2015 г.

Миллер Л.

«Два ветра, три дождя», Выпуск 2 серии «Стихи гуськом».

Эта книга – второй выпуск авторской серии «Стихи гуськом», первый выпуск которой – «В прямом эфире» («Ridero») вышел в августе 2016 г. Эти и все последующие выпуски серии «Стихи гуськом» будут включать как новые стихи, не вошедшие в предыдущие книги, так и стихи прежних лет. Данный «Выпуск 2» включает несколько совсем новых стихотворений декабря 2016 г., стихи мая - августа 2015 г., а также раздел «Если память жива...» - стихи из мемуарной прозы «А у нас во дворе» (CORPUS, Москва, 2014).

ISBN 978-5-4483-6345-0

НА ЧЕТВЕРТУЮ СТРАНИЦУ ОБЛОЖКИ

Лариса Миллер – поэт, прозаик, эссеист, автор 29 книг стихов и прозы. *«Когда я слушаю стихи Ларисы Миллер, то возникает загадка. Где те средства, которыми она добивается успеха, успеха у меня – читателя?.. Я почти не знаю людей, которые писали бы стихи настолько загадочно. Этот поэтический аскетизм поразителен и доступен только очень талантливым людям»* (Юрий Ряшенцев, «Литературная газета», 19.02.1997).

I. Несколько новых стихов декабря 2016 г.

Юлику Киму

Живётся трудно взрослым, детям,
Но мы работаем над этим,
Стараемся по мере сил,
Чтоб всяк легко свой крест носил.
Носил легко, как носит тени,
Лучи и крестики сирени
Земля; как, не сочтя за труд,
Листву и блики носит пруд.
Мы, то есть барды и поэты,
Несём ответственность за это,
И всем, кому непросто жить,
Крыло готовы одолжить
И наделить таким азартом,
Чтоб финиш показался стартом.
23 декабря 2016 г.

Едва проснулась, слышу «ля».
Оно то явственней, то глуше.
Господь настраивает душу
Мою, ей музыку суля.
Он беспокоится о том,
Чтоб я попала в ту тональность,
В которой легче неба дальность
Воспеть и мой притихший дом,
В которой можно подружить
С концом начало, тьму со светом,
С тоской веселье, зиму с летом,
И с лёгким сердцем дальше жить.

О, как сладко под облаком пенным
Попытаться о бренном и тленном
Словом вечным, нетленным сказать.
Но два слова, что силюсь связать,
Тут же ветром несёт переменным,
Тем же самым, что рвёт облака.
Если что-нибудь здесь на века,
То попытки бесплодные эти
В мир закинуть словесные сети
И летящая в нети строка.

Время более не скоротечно.
О, как сладко без времени жить,
О, как сладко легко и беспечно
В ритме вечности вечной кружить.
Ритму вечности лишь подчиняться -
Раз, два, три, раз, два, три, раз, два, три -
Два крыла, что под ветром кренятся,
В ритме вечности плещут. Смотри.
О, как мы проведём эту вечность,
О, как мы скоротаем её,
О, как будет небесная млечность
Освещать нам земное жильё.

Заснула в доме, где каёмки,
Бахромки, в комнатном раю.
Проснулась - я на самой кромке,
Над гулкой бездной, на краю.
Проснулась непролазной ночью,
Что всё толкует не тая,
И вдруг увидела воочью,
Что протекает жизнь моя
Над самой пропастью, откуда
Смертельным холодом несёт?
И надо снова верить в чудо,
Что день наступит и спасёт.

А если я проснусь чуть свет,
То вместе с Господом решаю,
Какие краски я смешаю,
Чтоб темноту свести на нет.
Мы с ним обычно заодно.
Любя весёлую палитру,
То я штришок невзрачный вытру,
То Он шутя сотрёт пятно,
Легко протягивая длань.
Да можно ль ради этой цели -
Рассветной этой канители -
Не встать в немислимую рань?

Я не нытик, но как же мне быть,
Если хочется жалуюсь, плача,
Ни тоски, ни страданий не пряча,
Всё на свете слезами залить?
Ну не всё, так хоть руки твои.
И не впрок мне сегодня уроки
Мудреца, его грустные строки -
Мол, скрывайся, молчи и таи.

Доктору Вере.

Глотаю шарики, глотаю,
Прорехи все свои латаю.
Глотаю шарики, сосу,
Надеюсь, я себя спасу,
Чтоб поскрипеть ещё немного
Снежком, который весь от Бога,
И так же бел, как шарик тот,
Что точно в срок кладу я в рот,
Как прописала доктор Вера.
А ей подвластна эта сфера.
Она, как ангел, здесь своя,
И, днями целыми снуя
Меж нами хворыми, в ладошки,
Нам сыплет белые горошки -
Загадочное их число,
Которое бы нас спасло.
Их в рот положим и не спросим,
Зачем тех пять, а этих восемь.

Сперва снега, а после - таянье,
А после - звонкий птичий гам...
Ты только не теряй отчаянья,
Оно необходимо нам,
Чтоб эту жизнь земную, грешную
Любить до боли, до тоски,
Чтоб птичья песенка нездешняя
Рвала нам душу на куски.

II. Май-август 2015 г.

Фрэнсису Грину

Наверно, главное - не спорить,
Ни с кем не спорить ни о чем.
Ведь смог Создатель не поспорить
С землёю небо, тень с лучом.
И, коли надо, значит, надо
Сходить с привычного пути.
И, коли время листопада, -
Ну что поделаешь, лети,
Как листья в рощице соседней.
И все ж, судьба, не обессудь.
Я не согласна на последний
Назначенный тобою путь.
И я с проектом нарушенья
Твоих порядков век ношусь,
И ни с одним твоим решением
Фатальным я не соглашусь.

Два ветра, три дождя -
И вот жасмина нету,
Но он, привыкший к свету,
Сияет, уходя.
Сияет на лету,
Сияет, приземлившись,
С травой поникшей слившись
И превратясь в тщету.
Сияет, помня миг,
Когда, подобно чуду,
Светил везде и всюду
Его счастливый лик.

А первой любви я обязана тем,
Что рано усвоила: не насовсем
Дается здесь всё, не навек, не до гроба,
И всё, что случилось, лишь пёрышка проба,
Выраж занесённого ветром пера.
Погасло, что так полыхало вчера.
Но, Боже, каких самоцветов излишки
Открылись мне в миг ослепительной вспышки.

Так радостно запела славка,
Как будто жизнь из-под прилавка
Достала то, на что она,
Как правило, весьма бедна:
Веселье, счастье, принадлежность
К тому, что вызывает нежность.

А в России живя, мы загнуться рискуем,
Вне пределов её по России тоскуем -
По безумной, опасной, несчастной, родной,
По России, что быть не способна иной -
Дружелюбной, весёлой, счастливой, терпимой,
Жизнью нежно обласканной, с ней совместимой.

Не умирайте, Бога ради,
Пока находитесь в осаде,
В плену у майских соловьёв,
Которые со всех краёв
Стреляют в нас на поражение.
Да не прорвать нам окруженье
И да не выйти из кольца,
И да не ведать нам конца,
И да не снимут с нас блокаду,
Вдруг взяв да оборвав руладу.

Столько разных причин, по которым желательно жить.
Я едва ли смогу перечислить их все, если спросят.
Например, я люблю, как весна небеса купоросит,
Как умеют нам голову майские ветры кружить,
И как змейкой течёт по стеклу дождевая вода,
И что жизнь нам отчёт не даёт ни о чём, никогда.

Слова хороши только те, что не в силах сказать
О том, чем полны, и начало с концом увязать;
И смысл хорош только тот, что готов улизнуть,
Успев перед этим нас в руку лукаво лизнуть;
И цель хороша та, которую не уловить;
И жизнь я готова за всё это вечно любить -
За то, что она не способна себя исчерпать,
За то, что её не замызгать и не истрепать.

Чтоб жизнь не обманула ожиданий,
Не надо ей давать больших заданий,
И поручений муторных давать,
И тягостных вопросов задавать,
И надо оставлять её в покое,
Пускай она течёт себе рекою.
Течёт себе, мечтая о своём
И радуясь, что мы ей жить даём.

С утра до ночи надо жить.
Здесь дела нет у нас иного.
Проснулся - принимайся снова
Нить жизни дёргать, теревить.
Так с давних пор заведено:
Проснулся - и скорей за дело.
Глядишь - и время пролетело,
Что было нам отведено.

А маме дарила я домик с трубой.
Над домиком был небосвод голубой,
От дома, вивась, убегала тропинка...
К 30-му мая творилась картинка
При помощи радужных карандашей,
Творцом, у которого рот до ушей
Счастливый, смеющийся, очень беззубый.
Я "шастье" писала с ошибкою грубой,
Но мама была со мной очень нежна,
Картинка была ей безумно нужна.

Мы с одиночеством вдвоём
Весь день танцуем и поём,
Танцуем на лесных тропинках
В намокших от дождя ботинках.
Мы не скучаем никогда,
Не разлучат нас ни года,
Ни страны. Мы всё время вместе -
И в тишине, и в людном месте.

И сколько б вод ни утекло,
И сколько б лет ни пролетело,
И сколько бы ни полегло
Всего того, что жить хотело,
А воды всё равно текут,
А годы всё равно летают,
И те, что куролесят тут,
Те всё равно исправно тают,
И я не ведаю совсем,
Как всё же надо относиться
К тому, что жизнь ни с чем, ни с кем
Не собирается носиться,
К тому, что безразлична ей
Моя, твоя и прочих участь,
И любит жизнь летучесть дней
Несметных и свою живучесть.

Живу, пером в бумагу тыча, -
И вдруг улов, и вдруг добыча,
И вдруг неслыханный улов -
На белом фоне горстка слов.
Они в сетях моих не бьются,
Не рвутся прочь, и только рвутся
Сказать: "Ты просто молодец,
Что нас поймала наконец".

Уйдя, я буду приходить
На этот свет сама, без спросу,
Как летний дождь, летящий косо,
Его серебряная нить.
Без разрешения, как день,
Я вдруг возьму, да и настану,
И даже спрашивать не стану,
Поскольку некого и лень.

А я верчу и так, и сяк
День, что покуда не иссяк,
Бросаю взгляд с различных точек:
То встану там, где ветерочек,
То там, где свет, то там, где тень, -
И так, и сяк верчу я день,
Чтоб не ушёл он непрожитым,
Ненужным, лишним и забытым.

Творился сей мир из любви и добра,
Из жемчуга, золота и серебра,
Из лучших намерений и побуждений,
Не ради смертей, а во имя рождений.
Ещё сохранились от прежней красы
Рассветные трели и капли росы.

Я снова в утреннюю смену.
Едва ложится луч на стену,
Едва становится бело,
Едва в окне мелькнёт крыло, -
Я выхожу и утопаю
В росе и к жизни приступаю.

Ну что мне здесь принадлежит?
Река течёт, тропа бежит,
Тень ускользает, туча тает,
Зарянка мимо пролетает,
И лето, светом ослепив,
Дождями щедро окропив,
Уходит по шатучим сходням,
Чтоб стать однажды прошлогодним.

Лети, мгновение, лети,
Лети, считаю до пяти.
Не улетишь - моим навеки
Ты станешь. Утекают реки,
И уплывают облака,
И все кругом: "Пока, пока"
Бросают на ходу друг другу,
Шагая по земному кругу.
И коль останешься со мной,
Тотчас настанет рай земной,
И будет век сирень живая
Стоять стеной, и дождевая
Вода стучать в моё окно...
Но слышу я: «Давным-давно
Твоё мгновенье улетело.
Оно сказать "пока" хотело,
Но, увидав, что над строкой
Корпишь, ушло, махнув рукой».

Всё главное - оно меж строк,
Меж строк, меж слов, на поле белом,
Оно гуляет между делом,
Как меж стволами ветерок.
Гуляет, теребя листву,
Тревожа каждое растение.
И только это шелестенье
Есть разговор по существу.

Ну как из цепочки сплошных неудач,
Сплошных неудач и сплошных невезений
Рождается день невозможно весенний,
Где солнечный зайчик пускается вскачь?
Ну как из отчаянья и тупика,
Из мрака, отчаянья и безнадёги
Рождаются лёгкие-лёгкие слоги
И строки, проточные, точно река?

Небесный свод, речная гладь
Умеют так себя подать,
В таком ключе и освещенье,
Что вызывают восхищенье.
И вроде виделись вчера
С той птичкой пёстроного пера
И с тем прошитым ливнем садом,
И всё ж - невиданное рядом:
И сад под ливнем так блестит,
Как будто ангел в нём гостит.

Нулевая видимость, нулевая.
Не пойму - я мёртвая иль живая
Окажусь в невидимом том далёко,
Где способно видеть лишь Божье око.
Но очей всевидящих обладатель,
Вдохновитель сущего и Создатель
На вопрос опасливый «Что мне светит?»
Ничего, как водится, не ответит.

Чтоб наступила благодать,
Достаточно жасмину дать,
Жасмину предоставить слово,
И будет всё свежо и ново.
Хотя, хотя, скорей всего,
Он и не скажет ничего,
А будет лишь стоять, сияя,
Средь им же созданного рая.

Раз в жизни, ну хотя бы раз,
Хоть раз должно разбиться сердце.
Иначе не нашаришь дверцу
Незримую и тайный лаз
Из повседневности в ту даль
И ширь, и высь, и в те глубины,
Что нежно музами любимы,
Которым вечно что-то жаль.

Если день сероват, то раскрась его сам
И лазоревый цвет подари небесам,
А траве и листве подари серебро
Предрассветной росы. А ещё где серо?
На душе? Но денёк золотой, голубой
Неприменно поделится счастьем с тобой.

И боль умеет крыльями плескать
И даже петь и даже петь умеет,
И страстную мечту свою лелеет
Сжать чьё-то сердце и не отпускать,
И, трепеща на частоте одной
С болящим сердцем, стать ему родной.

"Дело не клеится лето кончается..."

А. Цветков

Лето кончается. Дело не клеится.
День на излёте. На что же надеяться?
Да на авось, на авось.
Котик соседский на солнышке греется,
Листья то вместе, то врозь
Где-то слетают, а кое-где держатся,
Тихо трепещут, на солнышке нежатся...
Что ж, с кондачка, с кондачка
Дело решим, и надежда прорежется
Зубиком у грудничка.

Я, ей-богу, не знаю, на что положиться.
Разве только на тень, что на тропы ложится,
Разве только на луч, что по тропам скользит,
Разве что на листву, что волшебю сквозит,
На жасминовый куст, осиянный и пенный,
На неведомых крылышек промельк мгновенный.

Господь не сдал нам мир "под ключ".
Он сдал нам мир, где уйма круч
И ям, и всяческих подвохов,
И поводов для тяжких вздохов.
Впустив нас в мир, где всё сквозит
И всё обрушиться грозит,
Господь сказал: "Располагайтесь,
Но на меня не полагайтесь".

Слова не мои, да и музыка тоже.
А раз не мои, то Твои они, Боже.
Прости, что стремлюсь их Тебе навязать,
Но я и двух слов не смогла бы связать.
Надеюсь, что Ты не отпрянешь в испуге,
Не скажешь, что все эти строки - потуги,
Не станешь твердить, что сей опус не Твой,
Не сделаешь бедный стишок сиротой.

Чем занимаюсь? Хожу на свидание.
Кто меня ждёт? Меня ждёт мироздание.
Смотрит в окошко, под дверью торчит,
Дождиком мелким по крыше стучит,
Душу своим нетерпением грея:
Мол, выходи, выходи поскорее,
Мол, без тебя я совсем пропаду.
"Жди, - отвечаю, - проснулась, иду".

Подтверждено документально,
Что жизнь промчится моментально,
Что всех летальный ждёт исход
Сегодня, завтра, через год.
И коль хотеть потратить с толком
Земные дни под синим шёлком,
То надо, как они, сквозить
И скорбным знаньем не грузить
Деньки, которые и сами
Лишь миг живут под небесами.

Лишь тишина умеет говорить.
Она одна такой владеет речью,
Что слушаю её и не перечу,
Готовая её боготворить.
Лишь тишина правдива до конца,
Как истина, как факт неоспоримый,
Лишь у неё есть дар неповторимый
Быть легче пуха, тяжелей свинца.

Теченью жизни потакая,
Давайте жить, не привыкая
Ни к белизне оконных рам,
Ни к виду, что открылся нам,
Ни к саду, чей заборчик шаткий
Все клумбы, яблони и грядки
От люда пришлого таит,
Хотя и сам едва стоит.

Так жалко жизнь. Её так жалко.
Упрятать бы под одеялко
Её. Укрыть бы потеплей.
Сказать: "Родная, не болей",
Сказать: "Не бойся, я с тобою,
Тебя согрею и укрою,
От всех невзгод уберегу.
Жить без тебя я не могу".

У всех есть душа: у несчастья, у счастья,
Она то ликует, то рвётся на части.
Тоскует душа уходящего дня,
Дождя, что поёт под окном у меня,
Поникших кустов, потускневшего света,
Тоскует душа уходящего лета,
Что, вроде бы, только мгновенье назад
Пришло осчастливить и дачу и сад.

Я обожаю пункт наш населённый,
От неба синий, от листвы зелёный,
Где дни просторны, ночи коротки,
Крикливы станционные гудки;
Где можно целый день тянуть резину,
Следя, как ветер теребит осину,
Как воробьиный шастает народ.
Вот я хожу, гляжу, разинув рот,
И понимаю: мне не хватит лета,
Чтоб разобраться в переливах цвета,
В оттенках звуков тех или иных...
Да что там - лета? Сроков всех земных.

Мы ведь только и делаем, что покидаем.
Вот покинули детство, что кажется раем,
Вот расстались с наивной мечтой голубой,
С самой первой любовью и с прежним собой.

Мы ведь только и заняты тем, что встречаем.
Вот дожить до любимого лета не чаем,
Чтоб, согласно дотошному календарю,
Встретить раньше на час золотую зарю.

Наташе Громовой.

Да неужели можно жить
И прошлое не ворошить?
Да можно ль не впускать бывшее
В пространство тёплое, жилое,
Не дать ему дышать, грустить,
У нас сегодняшних гостить,
Шуршать страницей пожелтевшей,
Чтоб ветер, в окна залетевший,
Затихнул, зачитавшись тем,
Что вроде бы ушло совсем,
Но чьи любовь и боль, и смута
Не отпускают почему-то.

Лист, что дождю повиновался,
От жизни взял и оторвался.
Он оторвался и лежит,
Не ждёт, не бьётся, не дрожит,
Не шелестит и не трепещет.
Ветра гудят, и дождик хлещет,
А он, почивший, ни при чём.
Ему всё это нипочём.
Отныне к миру мельтешенья
Он не имеет отношенья.
От жизни хлопотной такой
Он удалился на покой.
И почему его собратья,
Последние силёнки тратя,
Хотят, хоть с горем пополам,
Хоть как-то задержаться там,
Где и опасно и тревожно,
И жить спокойно невозможно?

Есть воздух и свет, и тепло,
Есть всё для круженья, броженья,
Движенья, его продолженья.
Есть всё, чтобы время текло.
Есть травы в рассветных слезах,
Есть птица, что в окнах мелькала,
Простор, чтобы жизнь утекала
Куда-то у нас на глазах.

Живу я, хоть и на краю,
Но всё же света,
О чём без устали пою
С начала лета.
И песня та, что весела
Была вначале,
Теперь, - обычные дела, -
Полна печали.
Причину надо ль объяснять,
Давать подробный
Отчёт об этом? Лучше снять
Вопрос подобный
С повестки нынешнего дня
Да и любого.
И, коль попросит у меня
Сегодня слово
Мой осыпающийся сад,
То он негромко
Прошелестит о том, как рад,
Что край посёлка
Живёт в согласье с синевой
Слегка линиялой,
С листвою палой и травой
Немного вялой.

Сказать, на что ты обречён?
На день, чей лик не омрачён,
На сад, что увлечён негромкой
Беседой с предрассветной кромкой,
На пёстрых крылышек петит,
На лист, что в окна залетит
И, покружившись, приземлится,
Чтоб потихоньку золотиться.

Что за день? Как всегда, безвозвратный.
Что за мир? Как всегда, необъятный,
Мир, где скоро простынет мой след,
Где судьба, не идя на попятный,
Всё, что дорого, сводит на нет.
Что за сад? Сад с нарядным жасмином,
На котором давно уже клином
Свет сошёлся. А адрес какой?
Тихий дом под крылом журавлиным,
Где царит небывалый покой.

Даже мысли нельзя допускать,
Даже горестной мысли,
Что беда тебя может искать,
В чёрный список зачисля.
Даже мысли нельзя допускать,
Что дурное случится...
Будет вечно крылами плескать
Поднебесная птица,
Будет вечно пылать твой рассвет,
Не желая прощаться,
И не будет запас твоих лет
Никогда истощаться.

Я у тебя учусь, мой день,
Жить, чередуя свет и тень.
Я у тебя беру уроки,
Когда пишу вот эти строки.
Словечко напишу одно,
Гляжу - небесное пятно
На нём дрожит. А на соседнем
Танцует лучик. А в последнем
Куплете в этом череду -
Тенисто, как в твоём саду.

Мне, чтобы жить, необходимо счастье.
А ведь оно то тут, то где-то там,
Оно за мной не ходит по пятам,
Над ним я вовсе не имею власти.
И, чтобы жить, должна из ничего
Я ежечасно добывать его.

Не стоит жить в один присест,
А стоит каждый миг мусолить,
Обсасывать его и холить,
Пока ему не надоест
Все это. И тогда: "Лети, -
Ему сказать - лети, счастливо".
И лишь потом неторопливо
К другому мигу перейти.

А чтоб земные сроки продлевать,
Пришлось мне столько преодолевать:
Вот отрочество я преодолела,
Вот юностью всерьёз переболела,
Переболела зрелостью уже,
И вот теперь я вновь настороже:
Ведь если старость я преодолею,
Об этом разве я не пожалею?
Не надо ли мне как-то растянуть
Остатный мой не столь уж длинный путь,
Пока учёный, маясь сверхурочно,
Вдруг не воскликнет: "Всё. Живи бессрочно!"

Инстанция высшая - синь, небеса.
Инстанция низшая - травы, роса.
Меж ними идёт моя жизнь настоящая.
Сияй же, инстанция вышестоящая.
И нижестоящая - тоже не дно,
А нечто, что мне для веселья дано,
Что, хоть и послушно мне под ноги стелется,
Однако со мной всеми тайнами делится,
С утра и до ночи шуршит, шелестит,
На солнце сверкает, без солнца грустит.

Излишества были, но только в стихах.
Стихов иногда слишком много писала.
Но я ведь от прозы словечки спасала,
От прозы житейской. Лишь в этих грехах
И впрямь я повинна. А кроме стихов
Почти не имею серьёзных грехов.

А я, вставая на мысочки,
Нигде не вижу мёртвой точки,
А вижу, что кругла земля,
И всюду чистые поля,
А кое-где в тумане горы.
Короче, впереди просторы,
Одни просторы впереди.
Но слышу голос: «Погляди,
Да не туда – себе под ноги:
Черта, предел, конец дороги».
А я в ответ: «Какой предел?
Ты просто не туда глядел.
Ты видишь только то, что рядом,
А я повсюду шарю взглядом.
Ведь грех не видеть ничего,
Что дальше носа твоего».

Вначале составил компанию мне
Тот луч, что маячил всё утро в окне,
Ему облака поспешили на смену
И дождь, разметавший их белую пену,
А после упал жёлтый лист на порог,
А после меня навестил вечерок,
И мы с вечерком хорошо посидели
И поговорили о горестном деле.
Верней, хорошо помолчали о нём
В доме, освещённым закатным огнём.

Ах, как хочется жить,
И чтоб ветер трепал занавеску
Да и весь тот уклад,
Что подвешен на тонкую леску,
И чтоб гамму играл
Школярок, новичок в этом мире,
И чтоб все небеса
Были в солнечном птичьем пунктире,
И чтоб день золотой,
Что сиял и погаснуть боялся,
Лишь одной запятой
От грядущего дня отделялся.

И счастье - вся его недостижимость,
И горе - вся его непостижимость -
Живут бок о бок, рядышком живут
И запросто по имени зовут
Друг друга, и всегда на ты друг с другом.
И горе счастью: "Я к твоим услугам",
А счастье горю: "Да и я к твоим".
И хорошо на свете им двоим.

Ну наконец-то я уразумела,
Что ты, о жизнь моя, в виду имела.
Спасибо, что имела ты ввиду
Не тяготы, не муки, не беду,
А музыки пленительную ноту.
Прости, что я не уловила слёту
Всё это. И прошу тебя, ответь -
Еще не поздно? Я могу успеть?
Могу успеть? А что - сама не знаю.
"Да не трудись, я слёту понимаю,
Чего ты хочешь, - слышу я в ответ, -
Не торопись. Желаю долгих лет".

Время, времечко, ты ведь меня убивало,
Ну а я всё живу, как ни в чём не бывало.
Ты меня прогоняло, твердило: "Пора!",
Ну а я всё никак не уйду со двора,
Ну а я всё кружусь и кружусь на земшаре.
А сегодня - взгляни, я и вовсе в ударе.
У меня прямо Болдино нынче почти:
Всё сплошные шедевры. Не веришь? Прочти.

А всё-таки летать приятно,
Особенно туда-обратно.
Но лист, что больше не юнец,
Летает лишь в один конец.
Я тоже улечу рискую,
Гляжу на листья и тоскую:
Вон тот слетает плавно вниз,
А этот в воздухе завис,
Танцует напоследок третий.
...А вот бы обойтись без нетей,
А вот бы взять да уболтать
С косою старуху и летать,
Летать, одно лишь зная точно, -
Что я могу летать бессрочно.

Как ни сяду, ни лягу - мне всё неудобно.
Но не бойтесь, не буду об этом подробно.
Всем ведь трудно удобную позу найти,
Всем ведь туго приходится, как ни крути.
Потому-то я предпочитаю делиться
Только тем, что возможность даёт веселиться.
Жизнь ведь очень смешная, коль так поглядеть:
Вечно ищет да ищет, куда бы нас деть,
Будто коль ей удастся куда-то нас сплавить,
Она сможет дела свои тут же поправить.

До скорого, скорого... Поездом скорым
Лечу по летящим навстречу просторам.
До скорого, скорого, будущий миг,
В объятья твои я лечу напрямик.
Хочу, не хочу, но лечу я в объятья
Твои. Эта дикая скорость - проклятье.
Я б сбавила темп, перешла бы на шаг,
На медленный шаг, но не ведаю как,
Не ведаю, как мне пожить в настоящем.
Летит моё время по рельсам звенящим
И темп невозможный такой задаёт,
Что даже само от него устаёт,
Чем робкую всё же внушает надежду,
Что встанет, измучившись, где-нибудь между
Сегодня и завтра, потом и сейчас,
Оставив в покое мятущихся нас.

Кружу по тутошним просторам,
И служит у меня тапёром
То летний дождик, то скворец,
То ветер - на дуде игрец.
Под звук любой кружить готова,
Посплю чуток, проснусь и снова
Кружу, и даже дятла стук
Для танца подходящий звук.

Мир, придумай же что-то уютное.
Надоело все смутное, мутное,
Все скандалы, разборки твои,
Перепалки, придирки, бои,
Потасовки твои, перебранки.
У тебя же такие полянки!
У тебя же такие сады!
Ну побудь же ты тише воды,
Ниже травки, покрытой росой,
Порази нас своею красою,
И давай с тобой нежно дружить.
"Это вы не даете мне жить, -
Слышу грустный ответ, - это вы же
Не хотите быть тише и ниже,
Ниже травки и тише воды,
Вы наделали столько беды!
И на мне столько шрамов и ранок
Из-за ваших дурных перебранок!"

Но жизни смерть никак не отменяет
И даже ей в обязанность вменяет
Дышать и быть, быть вечно, быть всегда -
Какой угодно: хрупкой, как слюда,
Крошащейся и ломкой, точно льдинка,
Но быть, не прекращая поединка
Со смертью, что лишь только и живёт
Тем, что угрозой губительной слывёт,
Куражится над жизнью и ярится,
И страшно потерять её боится.

Смотри, как от веток листва отрывается,
Какие возможности вдруг открываются!
Какие вакансии, Боже ты мой,
Для дождика осенью, снега зимой,
А нынче их ветер занять порывается.
Разобраны будут все в мире места,
И что-то возникнет на месте листа,
Слетевшего тихо: заплатка небесная,
Залетное облако, птица неместная -
Вакансия точно не будет пуста.
Исчезнет оттенок карминный иль палевый,
Появится слой свежей краски эмалевой,
Не терпит сей мир пустоты.
Коль время настало, спокойно отчаливай,
Появятся новые "ты",
И новые "я" непременно появятся,
И новые крылышки тотчас расправятся.

Да, да, я радости поборник.
Я нынче составляю сборник
Мгновений светлых. Как адепт
Веселья, выпишу рецепт,
Чем скрасить горестные миги.
Уже написано полкниги
Про то, как миги принимать
И эту жизнь не донимать
Придирками и всяким вздором,
А лишь глядеть открытым взором
Доверчивым вокруг себя,
Процесс загадочный любя.

Кто сроду нас не подведёт,
Так это время, что найдёт,
Найдёт нас, где б мы ни случились,
Куда бы мы ни отлучились.
Не подведёт нас долгий путь
И приведёт куда-нибудь.
Не подведёт, конечно, небо,
Над головой возникнув, где бы
Мы ни были. А подведёт
Лишь человек, что вдруг уйдёт,
Что вдруг уйдёт в глухие нети,
Оставив нас одних на свете.

Спасибо, счастье, что приходишь,
Что время для меня находишь:
То на заре лучом прильнёшь,
То мимо окон промелькнёшь
Крылом неведомой расцветки,
То вспыхнешь яблочком на ветке.
Ты, счастье, вечно на бегу,
Что я вполне понять могу.
Поскольку ждут тебя повсюду,
Тебя задерживать не буду:
Пришло, сверкнуло и беги.
Себя вот только береги.

А кто я есть? Я - частный случай
Беды какой-то неминуемой,
Провала, взлёта и побед -
Всего, чем полон белый свет.
А кто я есть? Я - случай частный
Любви счастливой и несчастной.
Но, коль возьмёшь пример с меня,
То будешь ты героем дня,
Который так влюблен в природу,
Что птичке не дает проходу,
Лучу и кочке, крытой мхом,
И душит их своим стихом.

"Глухая пора листопада..."

Б. Пастернак

Осенние дни, точно листья крошатся.
Ну что теперь делать? Грустить? Сокрушаться?
Крошатся они, точно листик сухой...
Не хочется звать эту пору глухой.
Напротив: чем падают листья быстрее,
Тем слух восприимчивей, тоньше, острее.
Пустее пространство, реальнее шанс
Неслыханный вдруг получить резонанс
У каждого шороха, каждого вздоха.
И чудится, что наступает эпоха
Сердечного отклика, чуткости той,
Которой так славится век золотой.

Я не уйду отсюда. Дудки.
Да у меня же ни минутки
Свободной. Целый день кручусь -
Верхом на шарике качусь.
Катаюсь, скорость набирая,
То от восторга замирая,
То залетая в темноту,
То снова жмурясь на свету.

Зачем проходит жизнь сия
Так близко от небытия,
Проходит в двух шагах буквально
От черноты, что так провальна,
Так безнадежна и густа?
И даже лучшие места -
В партере где-то или в ложе -
И те на самой кромке тоже.

Счастье есть. Просто где-то оно притаилось.
Может, в доме в укромном углу притулилось,
Может, спряталось где-то в осеннем саду.
Ему просто не хочется быть на виду.
Оно верит, что, если кому-то приспичит
Отыскать его, тот его тихо позовет,
В каждый угол заглянет и в каждый закут,
И обшарит весь сад, вопрошая: "Ты тут?"

III. «Если память жива...»

Стихи из мемуарной прозы «А у нас во дворе» (АСТ/CORPUS, 2014) –
расширенный вариант книги «Золотой симфонии» («Время», 2008)

Посвящается Тонино и Лоре Гуэрра

Никто ведь не должен тебе ничего.
Ты праздника хочешь? Придумай его.
По песне тоскуешь? Так песню сложи
И всех окружающих приворожи.
По свету скучаешь? Чтоб радовал свет,
Ты сам излучай его. Выхода нет.

* * *

Да-да, конечно: время мчится шустро,
Но до сих пор загадочная люстра
В театре давнем гаснет не спеша,
И замирает детская душа.

Да-да, конечно: зыбкость, скоротечность.
Но занавес ползёт по сцене вечность,
И я со сцены не спускаю глаз
Горящих. Я в театре в первый раз.

Героя звать Снежок. Он – негритёнок.
А янки негров мучают с пелёнок.
Бинокля я не выпущу из рук.
Идёт счастливой памяти настройка.
Ах, жизнь, ты ненадёжная постройка:
То пропадает видимость, то звук.

Московское детство: Полянка, Ордынка,
Стакан варенца с Павелецкого рынка -
Стакан варенца с незабвенною пенкой,
Хронический кашель соседа за стенкой,
Подружка моя - белобрыся Галка.
Мне жалко тех улиц и города жалко,
Той полудеревни, домашней, давнишней:
Котельных ее, палисадников с вишней,
Сирени в саду, и трамвая "букашки",
И синих чернил, и простой промокашки,
И вздохов своих по соседскому Юрке,
И маминых бот, и ее чернобурки,
И муфты, и шляпы из тонкого фетра,
Что вечно слетала от сильного ветра.

* * *

И висело бельё, полощась на ветру.
И висело бельё, колыхаясь от ветра.
О какое печальное сладкое ретро!
Как из памяти эту картинку сотру?
Синька, бак для белья и доска, и крахмал,
У бабули в руках бельевые прищепки,
И белы облака удивительной лепки,
И ребёнок, стоящий поблизости, мал.
И ребёнок тот – я. И белей облаков
Простыня, и рубашка – небесного цвета.
И всему, что полощется, - многие лета,
Цепкой памяти детской, шадящих веков.

* * *

- Да ничего особенного там
И не было. Убожество и хлам
В твоей замоскворецкой коммуналке –
Клопинные следы и коврик жалкий,
И вата между рамами зимой.

- Да-да. Всё так. Но я хочу домой
В своё гнездо, к тем окнам, к тем соседям,
К той детворе. Давай туда поедем.
Там во дворе – волшебная сирень.
Там у соседки – сильная мигрень.
Мигрень – какое сказочное слово
И как звучит загадочно и ново!

Там город мой, в котором я росла,
Который я, к несчастью, не спасла,
Там город мой, домашний и зелёный,
Людьми, которых нету, населённый,
Тот город, что моим когда-то был,
А стал чужим. И сам себя забыл.

* * *

А круг, на котором я плавала, быстро спустил.
Мне лет было мало. Я плавать совсем не умела,
А мама не видела, мама на солнышке млела,
А я всё барахталась и выбивалась из сил,
Пока не нащупала пальчиком правой ноги
Спасительный камень в одежке из скользкого ила.
...Никак не пойму я, что в жизни случайностью было,
Что Божьим ответом на сдавленный крик: «Помоги!»

Не плачь! Ведь это понарошку.
Нам крутят старую киношку,
И в этом глупеньком кино
Живет какая-то Нино,
И кто-то любит эту крошку.
Решив убить себя всерьез,
Герой, едва из-под колес,
Вновь обретает голос сладкий...
Но ты дрожишь, как в лихорадке,
И задыхаешься от слез.

Кривоколенный, ты нетленный.
Кривоколенный, ты - душа
Моей истерзанной вселенной,
Где всем надеждам - два гроша.
Кривоколенный, что за имя,
Какой московский говорок,
Вот дом и дворик, а меж ними
Сиротской бедности порог.
Кривоколенный - все излуки
Судьбы в названии твоём,
Которое - какие звуки! -
Не произносим, а поём.

* * *

Я сказала себе, что я счастлива. Так и случилось:
Счастье, где б ни была я, меня находить научилось
Я сказала себе: всё в порядке, всё в полном порядке.
И любые невзгоды бегут от меня без оглядки.
Я сказала себе, что стихи прибегут ко мне сами,
И пришла ко мне Муза и смотрит большими глазами.
И осталось сказать себе: я с каждым годом моложе
И красивей. Надеюсь, и это получится тоже.

* * *

Нет ни унынья, ни тщеты.
Есть банты, шарики, цветы.
Жизнь – детский утренник, поверьте,
Весть долгожданная в конверте,
Мгновений пёстрых конфетти.

Ну что ж, и я во сне кричу,
Но помнить сон свой не хочу.
Тьму напугав, включу фонарик.
А утром, взяв за нитку шарик,
Опять на праздник полечу.

* * *

Болела моя детская душа:
Я утопила в море голыша,
Случайно утопила в бурном море.
Насмарку лето. Ведь такое горе.
Купили паровозик заводной,
Но нужен был единственный, родной
Голыш – нелепый бантик на макушке.
А жизнь, как оказалось, не игрушки.

Я так ждала родительского дня
И чтобы мама забрала меня
Из группы. Мы в лесу гамак повесим.
Я буду петь. Я знаю много песен.
Читать стихи ей буду без конца.
Я маму жду. Я не уйду с крыльца.
Ей – с шишками еловыми корзинка,
Венок, букет и булки половинка.
Вон меж стволами золото волос.
Ах, мама, твой ребёнок не подрос.
Так и бегу с подарком припасённым
Тебе навстречу в платьице казённом.

* * *

А мама собирается на бал.
И жемчуг бел, и цвет помады ал,
На стуле серебрится чернобурка –
Её не любит мамина дочурка.
Берет не любит, что с распялки снят,
И платье из панбархата до пят.
Ведь, значит, мама *из* дому уходит
И дочкин праздник *из* дому уводит.
Не надо было маму отпускать.
Ведь где, скажи, теперь ее искать?

Гром гремит, земля трясется,
Видно, Поленька несется
На высоких каблуках,
С рукоделием в руках.
Вызывает ученицу,
Ставит сразу единицу.
Единица не плоха,
Ученица – ха, ха, ха.
1950

* * *

Я малолетка. Я в Клину.
Я у Чайковского в плену.
Я терблю промокший, мятый
Платочек. Плачу я над Пятой
Симфонией. Пластинку нам
Поставили. За дверью гам.
В музее людно. День воскресный.
А музыка с горы отвесной
Столкнула, снова вознесла.
Я плакала. Душа росла.

* * *

Ах, как ребёнку взрослые мешают:
То спать велят, то сладкого лишают:
Мол, брось жевать – испортишь аппетит
И зубкам вред. А время-то летит.

Ах, бывшее дитя, кому есть дело
Сегодня до того, что ты надело,
Как выспалось, что ело на обед?
Ты счастливо, что взрослых больше нет?

Приходит Верочка-Верушка
Чудная мамина подружка.
Она несет большой букет.
(Сегодня маме тридцать лет.)
Несет большой букет сирени,
А он подобен белой пене,
Такая пышная сирень.
Я с белым бантом набекрень
Бегу... Гори, гори не гасни,
Тот миг... И розочку на масле
Пытаюсь сделать для гостей...
Из тех пределов нет вестей,
Из тех времен, где дед мой мудрый
Поет и сахарную пудру
Неспешно сыплет на пирог.
И сор цветочный на порог
Летит. И грудой белой пены
Сирень загородила стены.

* * *

А за окном твоей палаты
Случались дивные закаты,
Стояло дерево без кроны,
Летали галки и вороны.

Начало марта, хмарь, ненастье,
И ты мне говорила: «Счастье
Смотреть в окно на стаю эту».

Вот счастье есть, а мамы нету

* * *

Маме

Я не прощаюсь с тобой, не прощаюсь,
Я то и дело к тебе возвращаюсь
Утром и вечером, днем, среди ночи,
Выбрав дорогу, какая короче.
Я говорю тебе что-то про внуков,
Глажу твою исхудавшую руку.
Ты говоришь, что ждала и скучала...
Наш разговор без конца и начала.

* * *

О память-роскошь и мученье,
Мое исполни порученье:
Внезапный соверши набег
Туда, где прошлогодний снег
Еще идет; туда, где мама
Еще жива; где я упрямо
Не верю, что она умрет,
Где у ворот больничных лед
Еще лежит; где до капли,
До горя целых две недели.

* * *

Маме

Прости меня, что тает лед.
Прости меня, что солнце льет
На землю вешний свет, что птица
Поет. Прости, что время длится,
Что смех звучит, что вьется след
На той земле, где больше нет
Тебя. Что в середине мая
Все зацветет. Прости, родная.

* * *

Отцу

Письмо, послание, прошение
От потерпевшего крушение.
Письмо, послание, призыв
От гибнущего к тем, кто жив.
Из заточенья, из неволи
Сигнал смятения и боли,
Мольба, отчаяние, крик...
Я устремилась напрямик
На голос тот. Но вышли сроки,
Оставив выцветшие строки
Про горе и малютку дочь...
Мне сорок пять. И чем помочь?

* * *

То облава, то потрава.
Выжил только третий справа.
Фотография стара.
А на ней юнцов орава.
Довоенная пора.
Что ни имя, что ни дата –
Тень войны и каземата,
Каземата и войны.
Время тяжело виновато,
Что карало без вины,
Приговаривая к нетям.
Хорошо быть справа третьим,
Пережившим этот бред.
Но и он так смят столетьем,
Что живого места нет.

* * *

Я встретила погибшего отца,
Но сон не досмотрела до конца.
Случайный шорох помешал свиданью.
Прервал на полуслове, и с гортанью
Творилось что-то... тих и близорук,
Он мне внимал растерянно... И вдруг
Проснулась я, вцепившись в одеяло:
Отца нашла. Нашла и потеряла.

* * *

А тогда, на начальном этапе,
Рисовала я солнце на папе,
А вернее, на снимке его.
Я не знала о нем ничего.
Лишь одно: его мина убила.
И так сильно я папу любила,
Рисовала на нем без конца.
Вышло солнышко вместо лица.

* * *

Если память жива, если память жива,
То на мамином платье светлы кружева,
И магнолия в рыжих ее волосах,
И минувшее время на хрупких часах.
Меж холмами и морем летят поезда,
В южном небе вечернем пылает звезда,
Возле пенистой кромки под самой звездой
Я стою рядом с мамой моей молодой.

* * *

А был ли мальчик? Девочка была ли?
Их небеса целинные пылали?
Им *под* ноги ложился ли ковыль?
И что же это было – небыль? быль?
И, если быль, то что же с нею стало
Потом, когда грядущее настало?

Мальчишка милый, как люблю я
Твой голубой лучистый взгляд,
Твою улыбку озорную,
Когда ты в чем-то виноват.
Мне хочется бродить часами
С тобою рядом по Москве,
И губы почему-то сами
Все улыбаются тебе...
1958

* * *

В 1958-м

Вот если пройду по бордюру, с него не сойдя,
То будет, всё так, как мечтаю, но чуть погодя.
И он позвонит даже, может быть, через часок,
Лишь надо стараться, чтоб пятки касался носок.
Как трудно держать равновесие и не сойти
С бордюра ни вправо, ни влево, не сбиться с пути,
С пути, на котором я счастье хочу обрести,
Не ведая, что до него мне расти и расти.
2014

* * *

У всех свои Сокольники
И свой осенний лес —
Тропинки в нём окольные,
Верхушки до небес.
С любовью угловатой,
С её вихрами, косами
Бродили мы когда-то
В дождях и листьях осени.
Сокольники осенние,
Тропинки наугад.
Стал чьим-то откровением
И этот листопад.
1965

Погляди-ка, мой болезный,
Колыбель висит над бездной,
И качают все ветра
Люльку с ночи до утра.
И зачем, живя над краем,
Со своей судьбой играем,
И добротный строим дом,
И рожаем в доме том.
И цветет над легкой зыбкой
Материнская улыбка.
Сполз с поверхности земной
Край пеленки кружевной.

15 сентября 1976 г.

Благие вести у меня,
Есть у меня благие вести:
Еще мы целы и на месте
К концу сбесившегося дня.
На тверди, где судьба лиха
И не щадит ни уз, ни крова,
Еще искать способны слово,
Всего лишь слово для стиха.

22 января 1980 г.

* * *

А Россия уроков своих никогда не учила,
Да и ран своих толком она никогда не лечила,
И любая из них воспаляется, кровоточит,
И обида грызет, и вина костью в горле торчит.
Новый век для России не стал ни эпохой, ни новью.
Матерится она, и ярится, и кашляет кровью.

Всё в воздухе висит.
Фундамент - небылица.
Крылами машет птица,
И дождик моросит.
Всё в воздухе: окно,
И лестница, и крыша,
И говорят, и дышат,
И спят, когда темно,
И вновь встают с зарёй.
И на заре, босая,
Кружу и зависаю
Меж небом и землёй.

* * *

Ничего из того, что зовётся бронёй, —
Ни спасительных шор, ни надёжного тыла...
Как и прежде, сегодня проснулась с зарёй,
Оттого что мучительно сердце заныло,
То ль о будущем, то ли о прошлом скорбя...
А удачи и взлёты, что мной пережиты,
Ни на грош не прибавили веры в себя,
Но просеялись будто сквозь частое сито.
Так и жить, как в начале пути, налегке —
Неприкаянность эту с тобою поделим.
Тополиная ветка зажата в руке —
Вот и руки так горько запахли апрелем.

* * *

Устаревшее — «сквозь слёз»,
Современное — «сквозь слёзы» —
Лишь одна метаморфоза
Среди тьмы метаморфоз.

Все меняется, течет.
Что такое «штука», «стольник»
Разумеет каждый школьник,
И детсадовец сечет.

Знают, что «тяжелый рок»
Это вовсе не судьбина,
А звучащая лавина,
Звуков бешеных поток.

От скрежещущих колес,
Вздутых цен и дутых акций, —
Обалдев от всех новаций,
Улыбаемся сквозь слёз.

Хрустит ледком река лесная,
И снег от солнца размлел...
А я опять, опять не знаю
Как жить на обжитой земле.
Опять я где-то у истока
Размытых мартовских дорог,
Чтоб здесь, не подводя итога,
Начать сначала — вот итог.

* * *

Где ты тут, в пространстве белом?
Всех нас временем смывает,
Даже тех, кто занят делом –
Кровлю прочную свивает.
И бесшумно переходит
Всяк в иное измеренье,
Как бесшумно происходит
Тихой влаги испаренье,
Слух не тронув самый чуткий;
Незаметно и невнятно,
Как смещаются за сутки
Эти солнечные пятна.
Где ты, в снах своих и бденье?
В беспредельности пространства
Только видимость владенья,
Обладанья, постоянства.

Люблю начало речи плавной,
Причуды буквицы заглавной,
С которой начинают сказ:
«Вот жили-были как-то раз...».
Гляжу на букву прописную,
Похожую на глушь лесную:
Она крупна и зелена,
Чудны зверьем заселена.
«Вот жили-были...», запятая,
И снова медленно читаю:
«Вот жили...», и на слово «Вот»
Опять гляжу, разинув рот.

Осенний дождик льёт и льёт —
Уже и вёдра через край,
Не удержать — всё утечет.
И не держи — свободу дай.
Пусть утекают воды все,
И ускользают все года —
Приснится в сушь трава в росе
И эта быстрая вода.
В промозглую пустую ночь
Приснится рук твоих тепло.
И этот миг уходит прочь,
И это лето истекло.
Ушла, позолотив листья,
И эта летняя пора,
Прибавив сердцу чистоты,
Печали, нежности, добра.

Ритенуто, ритенуто,
Дли блаженные минуты,
Не сбивайся, не спеши.
Слушай шорохи в тиши.
Дольче, дольче, нежно, нежно...
Ты увидишь, жизнь безбрежна
И такая сладость в ней...
Но плавней, плавней, плавней.

Еще холстов, холстов и красок,
Для цветowych, бесшумных плясок,
Еще холстов, еще холстов
Для расцветающих кустов
И осыпающихся снова,
Для неба черного, ночного,
К утру меняющего цвет...
Еще холстов, и сил, и лет.

Осыпающийся сад
И шмелиное гуденье.
Впереди, как сновиденье,
Дома белого фасад.
Сад, усадьба у пруда,
Звук рояля, шелест юбки...
Давней жизни абрис хрупкий,
Абрис зыбкий, как вода,
Лишь в душе запечатлен.
Я впитала с каплей млечной
Нежность к жизни быстротечной
Ускользящих времен...

Гуси-лебеди летят
И меня с собой уносят.
Коль над пропастью не сбросят,
То на землю возвратят.

Но отныне на века —
Жить на тверди, небу внемля,
И с тоской глядеть на землю,
Подымаясь в облака.

Мой любимый рефрен: «Синь небес, синь небес».
В невесомое крен, синева перевес
Над землей, над ее чернотой, маемой,
Я на той стороне, где летают. На той,
Где звучит и звучит мой любимый напев,
Где земля с небесами сойтись не успеет,
Разошлись, растеклись, разбрелись, — кто куда...
Ты со мною закинь в эту синь невода,
Чтобы выловить то, что нельзя уловить,
Удержать и умножить и миру явить.

* * *

Муза. Оборотень. Чудо.
Я тебя искала всюду.
Я тебя искать бросалась —
Ты руки моей касалась.
Ты всегда была со мною —
Звуками и тишиною,
Талым снегом, почкой клейкой,
Ручейка лесного змейкой.
Без тебя ломала руки,
Ты ж была — мои разлуки,
Смех и слезы, звук привета,
Мрак ночной и столбик света,
Что в предутреннюю пору
Проникает в дом сквозь штору.

* * *

Послушай, комарик, мы крови одной!
Пока я спала, своего ты добился!
Ты крови моей до отвала напился,
И ты мне теперь ну совсем как родной,
А значит, как я, на лету, в кураже
Ты кровью, насыщенной адреналином,
Напишешь стихи о житье комарином.
Летаешь? Зудишь? Может, начал уже?

* * *

Легкий крест одиноких прогулок...

О. Мандельштам

Пишу стихи, причем по-русски,
И не хочу другой нагрузки,
Другого дела не хочу.
Вернее, мне не по плечу
Занятие иного рода.
Меня волнует время года,
Мгновенье риска, час души...
На них точу карандаши.
Карандаши. Не нож, не зубы.
Поют серебряные трубы
В соседнем жиденьком лесу,
Где я привычный крест несу
Своих лирических прогулок.
И полон каждый закоулок
Души томлением, тоской
По женской рифме и мужской.

* * *

Казалось бы, все мечено,
Опознано, открыто,
Сто раз лучом просвечено,
Сто раз дождем промыто.
И все же капля вешняя,
И луч, и лист случайный,
Как племена нездешние,
Владеют речью тайной.
И друг, всем сердцем преданный,
Давнишний и привычный, -
Планеты неизведанной
Жилец иноязычный.

О, мир, твои прекрасны штампы:
То свет с небес, то свет от лампы,
То свет от белого листа ...
Прекрасны общие места.
Что за окошком? Там светает.
Что будет завтра? Снег растает.
О Божий мир, моей душе
Дари не ребусы - клише.

Этих дней белоснежная кипа.
В перспективе - цветущая липа.
Свет и ливень. Не диво ль, не диво,
Что жива на земле перспектива?
С каждым шагом становятся гуще
Чудо-заросли вишни цветущей,
Птичьи трели слышнее, слышнее,
А идти все страшнее, страшнее.
Ведь осталась любовь неземная
За пределами этого рая.

* * *

Еще немного все сместится –
Правее луч, южнее птица,
И станет явственнее крен,
И книга поползет с колен.
Сместится взгляд, сместятся строчки,
И все сойдет с привычной точки,
И окажусь я под углом
К тому, что есть мой путь и дом,
К тому, что есть судьба и вежа.
Как между голосом и эхом,
Так между мною и судьбой
Возникнет воздух голубой,
Мгновенье тихое, зиянье,
Пугающее расстоянье.
И тех, с кем жизнь текла сия,
Едва коснется тень моя.

* * *

Почему не уходишь, когда отпускают на волю?
Почему не летишь, коли отперты все ворота?
Почему не идешь по холмам и по чистому полю,
И с горы, что пологога, и на гору, ту, что крута?
Почему не летишь? Пахнет ветром и мятой свобода.
Позолочен лучами небесного купола край.
Время воли пришло, время вольности, время исхода.
И любую тропу из лежащих у ног выбирай.
Отчего же ты медлишь, дверною щеколдой играя,
Отчего же ты гладишь постылый настенный узор,
И совсем не глядишь на сиянье небесного края,
На привольные дали, на цепи неведомых гор?
1972

* * *

Не стоит жить иль всё же стоит -
Неважно. Время яму роет,
Наняв тупого алкаша.
Летай, бессмертная душа,
Пока пропойца матом кроет
Лопату, глину, тяжкий труд
И самый факт, что люди мрут...
Летай, душа, какое дело
Тебе во что оденут тело
И сколько алкашу дадут.
Летай, незримая, летай,
В полёте вечность коротай,
В полёте, в невесомом танце,
Прозрачайшая из субстанций,
Не тай, летучая, не тай.

* * *

Лететь, без усталости скользить
По золотому коридору.
И путеводна в эту пору
Осенней паутины нить.
И путеводен луч скупой,
И путеводен лист летучий.
И так живется, будто случай
Уже не властен над судьбой.
Принесена с лихвою дань
Страстям, превратностям, порывам.
И если держит терпеливо
Своих детей земная длань,
То, значит, существует час,
В который то должно свершиться,
Что превращает в лики лица
И над судьбой подымлет нас.

* * *

Я говорю с пространством, с небом, с Богом,
А отвечают мне последним слогом.
Я вопрошаю: «Ждёт меня беда?»,
А мне в ответ – раскатистое «Да».
«Какие годы лучшие на свете?», -
Я спрашиваю. Отвечают: «Эти».

Лариса Миллер и Алла Вострова
Урок Алексеевской гимнастики, Москва, 1980-е

Содержание

I. Несколько новых стихов декабря 2016 г.

Живётся трудно взрослым, детям,
Едва проснулась, слышу «ля».
О, как сладко под облаком пенным
Время более не скоротечно.
Заснула в доме, где каёмки,
А если я проснусь чуть свет,
Я не нытик, но как же мне быть,
Глотаю шарики, глотаю,
Сперва снега, а после - таянье,

II. Май-август 2015 г.

Наверно, главное - не спорить,
Два ветра, три дождя -
А первой любви я обязана тем,
Так радостно запела славка,
А в России живя, мы загнаться рискуем,
Не умирайте, Бога ради,
Столько разных причин, по которым желательно жить.
Слова хороши только те, что не в силах сказать
Чтоб жизнь не обманула ожиданий,
С утра до ночи надо жить.
А маме дарила я домик с трубой.
Мы с одиночеством вдвоём
И сколько б вод ни утекло,
Живу, пером в бумагу тыча, -
Уйдя, я буду приходить
А я верчу и так, и сяк
Творился сей мир из любви и добра,
Я снова в утреннюю смену.
Ну что мне здесь принадлежит?
Лети, мгновение, лети,

Всё главное - оно меж строк,
Ну как из цепочки сплошных неудач,
Небесный свод, речная гладь
Нулевая видимость, нулевая.
Чтоб наступила благодать,
Раз в жизни, ну хотя бы раз,
Если день сероват, то раскрась его сам
И боль умеет крыльями плескать
Лето кончается. Дело не клеится.
Я, ей-богу, не знаю, на что положиться.
Господь не сдал нам мир "под ключ".
Слова не мои, да и музыка тоже.
Чем занимаюсь? Хожу на свидание.
Подтверждено документально,
Лишь тишина умеет говорить.
Теченью жизни потакая,
Так жалко жизнь. Её так жалко.
У всех есть душа: у несчастья, у счастья,
Я обожаю пункт наш населённый,
Мы ведь только и делаем, что покидаем.
Да неужели можно жить
Лист, что дождю повиновался,
Есть воздух и свет, и тепло,
Живу я, хоть и на краю,
Сказать, на что ты обречён?
Что за день? Как всегда, безвозвратный.
Даже мысли нельзя допускать,
Я у тебя учусь, мой день,
Мне, чтобы жить, необходимо счастье.
Не стоит жить в один присест,
А чтоб земные сроки продлевать,
Инстанция высшая - синь, небеса.
Излишества были, но только в стихах.
А я, вставая на мысочки,
Вначале составил компанию мне

Ах, как хочется жить,
И счастье - вся его недостижимость,
Ну наконец-то я уразумела,
Время, времечко, ты ведь меня убивало,
А всё-таки летать приятно,
Как ни сяду, ни лягу - мне всё неудобно.
До скорого, скорого... Поездом скорым
Кружу по тутошним просторам,
Мир, придумай же что-то уютное.
Но жизни смерть никак не отменяет
Смотри, как от веток листва отрывается,
Да, да, я радости поборник.
Кто сроду нас не подведёт,
Спасибо, счастье, что приходишь,
А кто я есть? Я - частный случай
Осенние дни, точно листья крошатся.
Я не уйду отсюда. Дудки.
Зачем проходит жизнь сия
Счастье есть. Просто где-то оно притаилось.

III. «Если память жива...». Стихи из мемуарной прозы «А у нас во дворе»

Никто ведь не должен тебе ничего.
Да-да, конечно: время мчится шустро,
Московское детство: Полянка, Ордынка,
И висело бельё, полощась на ветру.
- Да ничего особенного там
А круг, на котором я плавала, быстро спустил.
Не плачь! Ведь это понарошку.
Кривоколенный, ты нетленный.
Я сказала себе, что я счастлива. Так и случилось:
Нет ни унынья, ни тщеты.
Болела моя детская душа:
Я так ждала родительского дня
А мама собирается на бал.
Гром гремит, земля трясется,

Я малолетка. Я в Клину.
Ах, как ребёнку взрослые мешают:
Приходит Верочка-Верушка
А за окном твоей палаты
Я не прощаюсь с тобой, не прощаюсь,
О память-роскошь и мученье,
Прости меня, что тает лед.
Письмо, послание, прошение
То облава, то потрава.
Я встретила погибшего отца,
А тогда, на начальном этапе,
Если память жива, если память жива,
А был ли мальчик? Девочка была ли?
Мальчишка милый, как люблю я
В 1958-м. Вот если пройду по бордюру, с него не сойдя,
У всех свои Сокольники
Погляди-ка, мой болезный,
Благие вести у меня,
А Россия уроков своих никогда не учила,
Всё в воздухе висит.
Ничего из того, что зовётся бронёй, —
Устаревшее — «сквозь слёз»,
Хрустит ледком река лесная,
Где ты тут, в пространстве белом?
Люблю начало речи плавной,
Осенний дождик льёт и льёт —
Ритенуто, ритенуто,
Еще холстов, холстов и красок,
Осыпающийся сад
Гуси-лебеди летят
Мой любимый рефрен: «Синь небес, синь небес».
Муза. Оборотень. Чудо.
Послушай, комарик, мы крови одной!
Пишу стихи, причем по-русски,
Казалось бы, все мечено,

О, мир, твои прекрасны штампы:
Этих дней белоснежная кипа.
Еще немного все сместится –
Почему не уходишь, когда отпускают на волю?
Не стоит жить иль всё же стоит -
Лететь, без усталости скользить
Я говорю с пространством, с небом, с Богом,